

Имперский канон и имперская идея в постимперской перспективе

Сергей Евгеньевич Ячин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, yachin@dvfu.ru
Глеб Александрович Акулич
независимый исследователь, Владивосток, Россия, akulich.gleb@hotmail.com
Наталья Вадимовна Забилова
независимый исследователь, Владивосток, Россия, zabirova_nv@mail.ru
Александр Сергеевич Малышев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, malyshev.as@dvfu.ru
Даниил Аркадьевич Тютченко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, tyutchenko.da@students.dvfu.ru
Никита Сергеевич Филиппов
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, ns.filippov@yandex.ru

Аннотация. Время империй прошло, но идея осталась. В качестве регулятивного принципа объединения племен и народов имперская идея представляет собой манифестацию принципа "чистой" власти как иерархически установленного порядка. Необходимость такого порядка присутствует на всех этапах социального развития, но лишь в определенную эпоху доминирует среди других социальных сил, "принуждающих" людей к совместному существованию, образуя мир-империю (имперский канон). Уже мир-экономика отодвигает имперскую идею на второй план, а современная "экономика знаний" устанавливает особый режим деперсонализированной власти-знания. Имперская идея исторически изменяет способ воздействия в последовательности: принуждение-убеждение-привлечение. Современная ситуация в значительной мере определяется тем противоречием логик сборки социальных агентов, которым следуют международные центры власти-знания, стимулирующие все виды мобильности, с одной стороны, и уходящими в прошлую эпоху государствами с характерной для них биополитикой и отстаиванием своего территориального суверенитета – с другой. В статье предлагается методология понимания современной постимперской и постколониальной ситуации, основанная на мир-системном подходе, в ключе которой дается интерпретация четырех кейсов: Pax Romana, Pax Britannica, Pax Rossica, Pax Americana.

Ключевые слова: имперская идея, имперский канон, гегемония, постколониализм, мир-системный подход, власть знания

Для цитирования: Ячин С. Е., Акулич Г. А., Забилова Н. В., Малышев А. С., Тютченко Д. А., Филиппов Н. С. Имперский канон и имперская идея в постимперской перспективе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 11–25. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/11-25>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/11-25>

Imperial canon and imperial idea in a post-imperial perspective

Sergej E. Yachin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, yachin@dvfu.ru
Gleb A. Akulich
Independent Researcher, Vladivostok, Russia, akulich.gleb@hotmail.com
Natalya B. Zabirova
Independent Researcher, Vladivostok, Russia, zabirova_nv@mail.ru
Alexander C. Malyshev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, malyshev.as@dvfu.ru
Daniil A. Tyutchenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, tyutchenko.da@students.dvfu.ru
Nikita C. Filippov
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, ns.filippov@yandex.ru

Abstract. Empire time has passed, but the idea has remained. As a regulatory principle of the unification of tribes and nations, the imperial idea is a manifestation of the principle of "pure" power as a hierarchically established order. The necessity of such an order is present at all stages of social development, but only in a certain era it dominates among other social forces, "forcing" people to co-exist, forming a world-empire (imperial canon). Already world-economics pushes the imperial idea to the background, and the modern "knowledge economy" establishes a special regime of depersonalized power-knowledge. imperial idea historically changes the way of influence in the sequence: coercion-persuasion-attraction. The current situation is largely determined by the contradiction of the logic of the assembly of social agents followed by the international centers of power-knowledge, stimulating all kinds of mobility, on the one hand, and the states that are going into the past era, with their characteristic biopolitics and the defense of their territorial sovereignty – on the other. The article offers a methodology for understanding the modern post-imperial situation, based on a world-system approach, in which the interpretation of four cases is given: Pax Romana, Pax Britannica, Pax Rossica, Pax Americana.

Key words: imperial idea, imperial canon postimperia, postcolonialism, world-system approach, power of knowledge
For citation: Yachin S. E., Akulich G. A., Zabirova N. V., Malyshev A. S., Tyutchenko D. A., Filippov N. S. Imperial canon and imperial idea in a post-imperial perspective // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 11–25. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/11-25>

Введение в проблему

Во времена, когда правители разных государств решались присвоить себе титул императора, они так или иначе ориентировались на тот имперский канон, который сложился в Древнем Риме и на образ того мира, который этот канон предполагал. Не без курьезов, но в принципе этот канон подразумевал, что император и его империя являются носителями некоей объединяющей идеи, которая только и позволяла оправдать имперское господство одного народа над другими и создать (или же думать, что удалось создать) Мир, в котором царит особый, свыше предустановленный порядок или Закон.

Империя – это тип государства, которое распространяет свой верховный суверенитет (законы своего государства) на другие народы и государства посредством насильственного или ненасильственного включения в свой территориальный состав с возможностью сохранения некоторой политико-административной автономии и/или местных обычаев.

Основная мысль, в свете которой мы предлагаем рассмотреть "расцвет и упадок империй", а также современную постимперскую и постколониальную ситуацию в мире, состоит в следующем: чтобы быть Империей, нужно иметь не только силу, но и быть носителем объединяющей Идеи. Не всякая политическая идея способна объединить и убедить другой народ подчиниться силе, но только та, которая реально и наглядно является "альтернативно лучшей" для субальтерна. И более того: если спросить, почему именно это государство (его народ) обрели такое имперское могущество, то мы будем вынуждены опять-таки обратиться к конституирующей силе той идеи, которая сначала объединила этот народ (этнос, племя) и только потому и затем сделала его более конкурентоспособным относительно окружающих племен и народов.

Для любого государственного устройства вопрос легитимности центральной власти является главным. Только его решение обеспечивает преемственность власти и историческую устойчивость государства (решение "дилеммы автократа")¹. Но именно этот вопрос представляет особую трудность для имперского государства. Как обеспечить признание права одной нации (или даже расы, как в случае "миссии белого человека") господствовать над другими или (как сегодня) определять общие "правила игры"?

Методологическая сборка

Современный методологический плюрализм (можно сказать, господствующий в социальном познании) свое обоснование и оправдание имеет в общем настрое понимать социальную реальность как конструируемую в том или ином смысле. В общем случае конструирование социальной реальности можно понимать просто как процесс производства совместной жизни людей [5].

В этом ключе мы считаем рамочным для решения нашей задачи мир-системный подход, который обнаруживает особую логику исторического развития человечества как закономерный переход от мир-империй к мир-экономике [34]. Этот переход, однако, не отменяет общего принципа мироустройства в его иерархическом разделении на Центр, периферию и полупериферию, а также гегемонию одного из государств над другими [3]. Продолжая рассуждать в этой же логике, мы допускаем, что на смену мир-экономики приходит мир-культура, которая устанавливает приоритет и, соответственно, гегемонию центров производства знания [23].

Постимперская ситуация – это имперский канон и имперская идея, трансформированная новой конфигурацией сил, принуждающих людей к совместному существованию. Концепция власти-знания, разработанная Мишелем Фуко, оказывается значимым прогнозом того пути, по которому вынуждено идти человечество [18].

В дополнении к мир-системному подходу мы будем опираться на ту логику воспроизводства социальных систем, которую предлагает теория социальных систем Лумана [11]. Эта теория позволяет увидеть зависимость воспроизводства любой социальной системы от контура ее самоописания, от тех

¹ Дилемма заключается в том, что чем больше власти автократ сосредоточил в своих руках, тем сложнее ее передать Другому без развала государства.

правил, которые система устанавливает для собственного воспроизводства. Именно неадекватное самописание приводит систему к кризису.

Мир-империя и гегемония в свете мир-системного подхода

Мы предлагаем не обходить вниманием то, казалось бы, тривиальное обстоятельство, что империя есть особый вид государственного устройства, и как таковая она "должна соблюдать" требования, которые необходимы всякому государству. А чтобы быть государством, надо (1) иметь публичную (отделенную от остального народа) власть, (2) эта власть должна суверенно распространяться на определенную территорию, (3) эта власть должна править по правилам (законам), понятным как минимум их исполнителям, (4) эта власть должна иметь аппарат принуждения для исполнения правил проживания людей на данной территории. Остальные признаки государства являются или производными от данных (например, налоги, или сильно варьируемыми (политический режим, наличие тех или иных органов власти и пр.). Заметим, что при всей академичности признаков государства достаточно спорным и фактически неопределенным остается их "иерархия значимости". Как раз конструктивный характер социальной реальности (см. выше) позволяет варьировать эту значимость. Данное соображение как раз и позволяет поставить вполне вразумительный вопрос: в чем состоит особенность "устроения" имперского государства и какими причинами эти особенности были вызваны. Так по каждому пункту: особенность территориального устройства, особенность публичных правил и т.д.

Общим признаком государств-империй является их завоевательная политика относительно других народов и территорий, включение их в свой состав в том или ином качестве².

При решении этой задачи, мы будем проверять нашу общую гипотезу: Государство делает первый шаг к империи, когда решается включить в свой территориальный состав и в пространство своей власти Чужого, но становится Империей только тогда, когда этого Чужого пытается сделать Своим. Поскольку сделать Чужого совсем Своим – удается редко, то всегда возможны условия, ставящие центробежные силы над центростремительными. Так возникает кризис Империи и ее распад.

Нас и будет интересовать вот этот переход от канона имперского правления, от политико-административной практики удержания власти на данной территории к идее, которая сама по себе способна удерживать народы вместе. В конечном итоге такого рода "удержание" и способно трансформировать империю в сообщество [21].

Мы предлагаем рассматривать социальную и историческую динамику (рождение и упадок государств и империй) с позиции оценки условий воспроизводства социальных систем. Это вполне тривиальное требование к условиям существования таких систем становится радикально эвристичным, если основной принцип воспроизводства усмотреть в самореферентности (самоописании): данная социальная система может существовать лишь постольку, поскольку она себя правильно описывает, формирует правила, по которым она существует.

Мы считаем возможным изменить и уточнить некоторые положения мир-системного подхода с учетом тех базисных изменений, которые происходят в современную эпоху. Эти изменения не позволяют однозначно перенести закономерности прежних этапов (циклов) на нынешнее состояние экономики, политики и культуры. Ключевые моменты, на которые уже обращалось внимание в рамках мир-системного подхода, это значение информационных сетей и трансфера инноваций в мир-системной динамике [30; 25; 9]. Учет значения этих факторов "дает возможность разработки нового подхода к мир-системному анализу. В рамках этого подхода в качестве наиболее важного механизма интеграции Мир-Системы могли бы рассматриваться генерация и диффузия инноваций" [9, с. 31]. Если признать, что значение этих факторов базисно возрастает в современном мире, то отсюда будет следовать, что (1) изменяется само содержание гегемонии, (2) торгово-промышленные связи, столь значимые в прежней мир-экономике, теряют значительную долю своего влияния,

² Для общего наименования "включений" используется термин "субалтерум".

(3) миры-империи уходят в прошлое, но сама позиция гегемонии сохраняется [23].

Ситуацию, при которой канонический образ государства-империи уходит в прошлое, а ему на смену приходит союз государств с ясно обозначенным лидером, мы предлагаем называть постимперской. Следует напомнить, что возникшее в Древней Греции понятие гегемона буквально обозначало "лидера в союзе" городов-государств [3]. Есть веские основания полагать, что нынешние отношения между государствами складываются или имеют тенденцию складываться по модели греческой гегемонии. Объективной необходимостью формирования союзов государств является технико-экономическая несостоятельность каждого из них в отдельности. Отдельное государство не только не может производить все необходимое для современного образа жизни, оно даже не может этого купить на свободном рынке, если не участвует в технологическом разделении труда с другими странами. При этом такое международное разделение труда должно быть подкреплено той или иной формой культурного или политического единства. Далее лавинообразно нарастают требования согласования технических регламентов, финансовой (в особенности – налоговой) политики, общего образовательного, медийного, информационного пространства и т.д.

Каким образом мир-системный подход объясняет причины упадка империй и смены гегемона. В общем и целом мир-системный подход считает имперское могущество производным от экономической мощи державы. Баланс сил в мире и, соответственно, границы государств складываются пропорционально их экономическим возможностям.

То, что время империй как образ государств, властно подчиняющих себе другие народы, государства и их территории, ушло в прошлое – можно считать эмпирическим фактом, но сама идея превосходства, "первенства", скорее всего, не может себя исчерпать. Именно в форме идеи превосходства, лидерства и даже монополии имперская идея сегодня находит свое выражение в таких привычных выражениях, как "империя моды", "промышленная империя", "империя закона", "империя спорта" и др. Основной смысл, который закладывается в такое понимание "имперскости", состоит в том, что кто-то в среде конкурирующих субъектов получает возможность (силу) определять правила игры. Это право он получает по праву сильнейшего "в этом классе". В области международной политики имперская идея приобретает вид классической гегемонии. Имперская идея остается в форме экономического и культурного империализма.

Имперский канон во всех его последующих вариациях предполагал политико-административный контроль Центра над колониальной периферией, однако прогрессивное развитие экономики, которое выдвинуло человеческий капитал в ведущую позицию, сделало такого рода контроль экономически нецелесообразным. Ключевым фактором экономической эффективности стало управление мобильностями разного рода [35]. Именно поэтому нынешние Гегемоны в значительной степени приобрели вид Центров привлечения человеческих ресурсов. Могущество государства, его способность лидировать в экономических, политических и культурных союзах стало непосредственно определяться его привлекательностью для так называемого творческого класса, теми правовыми и экономическими условиями, которые эти Центры для них создают [26]. Однако для тех стран и регионов, из которых истекают человеческие ресурсы, это может выглядеть как культурный империализм, с которым ведется своеобразная борьба, получившая именование "постколониального поворота".

Именование современной экономики как экономики знаний подразумевает ту же самую ситуацию превращения культуры (а знание есть ее основной элемент) в ведущий фактор воспроизводства всей социальной жизни, который как раз и можно обозначить как "мягкую силу культуры" [22]. Поэтому современное "общество знаний" не следует судить прежними мерками. Не следует – именно потому, что способ его сборки иной, нежели это было в индустриальную эпоху. Знание проявляет свою власть особым образом, чем это делает разделенный труд и вытекающий из него торговый обмен.

Экономика знаний исключает насилие в его политико-правовой форме и насилие над его производителем в традиционной для капитализма форме.

Тем не менее знание может иметь имперскую власть как власть идеи. Имперская форма знания-власти распространяется поверх каких-либо государственных границ и вполне наглядно осуществляется в виде центров производства новых технологий (know how). В основном такими Центрами становятся международные (транснациональные) корпорации, а также университеты, которые "производят" людей, способных производить новые знания³.

В качестве итога этого раздела еще раз подчеркнем ту историческую логику (в понимании мир-системного подхода), которая приводит к радикальному "сдвигу власти" (shift power). Классический мир-империя видел своё могущество в земельных владениях: условно говоря, это был мир во власти земельного собственника; мир-экономика – устанавливает господство промышленно-торгового капитала, для которого земельные владения остаются важным, но по источнику прибыли – вторичным ресурсом; в современной экономике знаний основным фактором могущества государства становится её человеческий потенциал. Именно поэтому способность управления человеческой мобильностью становится основой могущества современных Гегемонов.

Эта смена принципа гегемонии ниже будет проиллюстрирована на трех кейсах: римском, британском и американском. Кейсы призваны светить не историческую канву образования империй и, соответственно, постимперский образец, но установить, как реализуется два принципа имперского господства: завоевание и закон.

Pax Romana – Imperium Legis

Римский канон можно рассматривать как идеальный тип в смысле методологии М. Вебера[6]. Во все последующие времена европейские монархи, которые решали присвоить себе титул Императора, так или иначе ориентировались на прецедент Римской империи. Следует присмотреться к тем основаниям, в силу которых они присваивали себе этот титул. Дело в том, что в этом "личном основании" сокрыта суть формирования имперской государственности. Как правило, титул императора не наследовался, но самоназначался, когда к наследуемым владениям (в основном путем завоевания, но иногда и "убеждения") присоединялись другие земли и на них легитимно распространялось право владения и закон Центра. Только тогда, когда субалтерн получал и признавал закон властвующего государя, последний получал объективное и субъективное право называть себя Императором.

Способом существования Римской империи было непрерывное расширение территориальных границ, что является существенным признаком имперского канона. Фактически границей становились естественные преграды – реки и горы. Для контроля над местным населением римляне возводили форты, что также является типичным для способа существования классической империи [28]. Однако физические границы не совпадали с тем символическим представлением о своем господстве, из которого исходили сами римляне. За пределами этой физической границы лежала сфера интересов, которая всегда предполагалась как пространство будущего завоевания [16].

Включение происходило посредством как принуждения, так и убеждения через различные практики. Одна из практик – связывание территории сетью дорог. Сеть дорог можно рассматривать как политико-административную практику артикуляции и легитимации власти, а также как знак, свидетельствующий о включение субалтерна. За присоединением территории следовало основание военных поселений, каструмов. Каструмы, помимо очевидно военной функции, воспринимались включенными народами как символы "римского мира". С их появлением начинался и перенос основных политических институтов Римской империи.

Для присоединения Другого империя также предлагала и институт римского гражданства, сформировавшийся после введения эдикта Каракаллы 212 г. н.э, по которому все жители Римской империи были уравнианы в правах. Элиты присоединяемых территорий, принимая римское гражданство, оказывались как в юрисдикции римского права, так и не кодифицированных

³ Для сравнения, бюджет Amazon в 2022 году составил \$513,983 млрд (URL; <https://www.reuters.com/markets/companies/AMZN.OQ/financials/income-annual>), а государственный бюджет России в 2021 году составил \$343,291 млрд.

римских обычаев, которые в сумме и формировали римскую идентичность [7]. До эдикта Каракаллы только жители Италии и Рима находились в системе римского права. В случае необходимости регулирования правовых отношений между ними и чужеземцами применялось так называемое "право народов", состоящее из юридических норм окружавших Рим этнических общностей.

Империя как сложное образование не предполагала полной унификации и централизации. Римская империя объединяла огромные территории и большое количество различных этносов. И для поддержания стабильности на столь гетерогенных территориях римская власть могла допустить существование в некоторых провинциях двух систем управления: римских магистратов и местных, традиционных органов власти [16]. Подчеркивая канонический характер опыта Римской имперскости, мы еще раз отмечаем типичность такого совмещения систем управления для последующих времен. Примером такого совмещения был институт наместничества на территориях эллинистического мира, где сохранилась полисная структура: римский наместник здесь управлял вместе с греческими элитами и, чтобы быть признанным в полисах, заимствовал греческий церемониал [15].

Завоевательная политика империй всегда предполагала внутреннюю "убежденность" завоевателя в своем цивилизационном превосходстве. В случае Рима в качестве такого убеждения выступала незыблемость закона, никакая другая империя не выражала принцип *Imperium Legis* (верховенство закона) столь ясно [16]. Рим, не случайно именуемый его гражданами "вечным городом", мыслился как связующее и подчиняющее начало империи. Именно вечность и незыблемость можно назвать важнейшими характеристиками римской идеи. Подобные "вечность и незыблемость" империи как раз и выражались в римском праве. Закон как порядок вещей распространялся на всю территорию империи и создавал иерархию субъектов в ней. Те, кто имел римское гражданство, оказывались в привилегированном положении, поскольку попадали под юрисдикцию всего римского права и могли отстаивать свои интересы в суде намного эффективнее, чем те, кто не являлись гражданами. Именно поэтому институт гражданства стал важнейшим инструментом "вовлечения Другого" в сферу властных интересов Рима. В свою очередь, механизмы включения Другого допускали значительную долю разнообразия. Римляне старались не нарушать самобытности покоряемых народов, сосуществовая с ними на одной территории. За границей империи было варварское пространство. В глазах римлянина там не было никакого порядка. А порядок на территории империи был основан на договоре и подчинен закону, обретшему форму вселенской власти – "*imperium*" [16].

Таким образом, понимание римской империи как канона определяется следующими чертами: во-первых, это непрерывная завоевательная политика и расширение территорий; во вторых, способом контроля над завоеванными территориями; в третьих, сознанием своего цивилизационного превосходства; в четвертых, упорядочиванием всех сфер жизни посредством верховенства закона; в пятых, сочетанием двух ветвей власти: имперской и местной; в шестых, установлением привилегии гражданства.

Pax Britannica

Британская империя являет тип государственности, демонстрирующий нам сдвиг власти от мир-империи к мир-экономике. Характер того господства над своими заморскими колониями, который демонстрировала британская корона, существенно отличен от того образца, которым являлись империи Античности и Средних веков. Особенностью Британской империи является многообразие форм установления собственной власти. Основой разнообразия форм управления подчиненными территориями всегда была децентрализаторская модель выстраивания отношений. В отличие от централизованных систем прямого подчинения с низким уровнем вписанности в имперскую сеть, британская империя активно использовала имперскую идею – символическую значимость имперской короны. Британская корона оказывалась символической доминантой в выстраивании взаимоотношений между подчиненными и колонизаторам: в первую очередь, конечно, находила общие принципы для существования имперских агентов. Наиболее успешными проектами власти британской империи являлись прагматичные способы работы с локальностями-

ми. Так, например, знание о важности религиозного вопроса в той или иной локальности являлось тем основанием, на котором строилась управленческая модель. Религия использовалась либо как объединяющий фактор, либо, наоборот, как разделяющий. Стратегия выбиралась исходя из нужд имперской сети. Основой имперского знания было использование западных конструктов и категорий, которые имеют тенденцию представлять локальные народы и культуры как отличные и неполноценные [33]. Это было основополагающим шагом к последующей аргументации возможности колонизации исходя из взгляда империи. Одним из важнейших методов колониального знания являлась дифференциация Другого, благодаря которой создавалась иерархия культур внутри империи. В этой иерархии ведущее значение играла британская корона. Таким образом выстраивались отношения "власть-субалтерны" с внутренней системой иерархий, в которой, в зависимости от представлений империи о местной культуре, доказывалось преимущество колониальной власти.

Для Британской империи уникальным является опыт работы с гибридность вовлекаемых в сферу ее господства народов. На колониальную политику Британской короны отчетливо сказался предшествующий опыт присоединения территорий на Британских островах (шотландцев, валлийцев, ирландцев и т.д.). Но когда Великобритания стала создавать свою колониальную империю, то и прежде вовлеченные народы (шотландцы) сами стали проводниками имперской власти, участвуя в системе продажи и транспортировки рабов, тем самым составляя верхний круг иерархии [30].

Здесь мы увидим канонический способ создания иерархий, целью которой является вовлечение в сеть взаимоотношений с представителями (даже порой слишком отвлеченными) британской короны.

Эпоха становящейся мир-экономики приводила к тому своеобразному обстоятельству, что на территории колоний действовали почти независимо друг от друга структуры государственного управления в лице генерал-губернаторов, и самостоятельные частные компании. Де-юре территория оставалась в структуре централизованного управления, но де-факто находилась во владении назначенного управляющего с высокой степенью автономности действий, которые могли быть использованы не только в интересах метрополии. Другие формы предназначались для еще более гибких управленческих систем – протектораты, мандаты, доминионы. Последняя из указанных является следствием в первую очередь переселенческого колониализма (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка и так далее). О еще большей гибкости систем управления свидетельствует их конкуренция. В исследовательской литературе хорошо показан процесс борьбы за рынок между "аутсайдерами" – непривилегированными купцами и гегемоном – "Ост-индской компанией", в которой было положено начало изменения ситуации в сторону "аутсайдеров" [14]. Может быть, именно в силу этой гибкости Британская империя лучше всех (по сравнению с другими колониальными державами) справлялась с задачей включения и убеждения местных народов и культур.

Мир экономики диктовал свои законы. В силу этого основной целью являлась экспроприация средств через акторов власти из регионов. Часть дохода, остававшегося в стране, причислялась элите⁴, которая потому и являлась заинтересованной в имперском правлении. Однако для этического и политического обоснования способности включать в британоориентированный рынок требуется не менее важный элемент обоснования привилегий Британии на миссию колонизаторов как культуртрегеров. В случае, когда местная элита осознает ненужность "старшего имперского брата", то или иное пространство вырабатывает национальную интеллигенцию с соответствующими антиимперскими убеждениями. Имперская власть предлагает подданство и ряд преимуществ элите, которая уже на ментальном уровне соотносит себя с самой метрополией, формируя тем самым самореферентную группу как условие стабильности [10].

Новое время порождает необходимость технологий управления идентичностями. Британская империя в полной мере являет европейский просвещен-

⁴ Элита формировалась через включение в имперскую сеть из локальных агентов либо, при низком доверии к локальным элитам, из доверенных имперских агентов из метрополии.

ческий пафос в широко известной "миссии белого человека". Убежденность в своем цивилизационном превосходстве в немалой степени способствовала успеху колониальных предприятий. Именно поэтому столь важными становятся "имперские" технологии [27]. Сами по себе эти технологии управления не являются изобретением колониальных держав, но их применение с целью подчинения и более глубокого вовлечения территорий во власть метрополии изменяет понимание их сущности. В основе словосочетания "имперские технологии" лежат те технологии, которые оказывают влияние на продуктивность имперской сети властных отношений. Фактически эти технологии управления становятся способом управления иерархиями идентичностей. Можно выделить три способа принятия имперской идентичности колонистом, торговцем и представителями локальных культур: верность короне, взаимная выгода и отсутствие альтернативы. Так, феномен институционализированного пиратства показателен в том случае, когда экономические выгоды для имперского актора колонизации более убедительны, чем верность традиции [29].

Материальной составляющей технологии управления стали новые технические возможности. Так, например, технология телеграфа позволила создать проект, который связывает и создает более эффективную коммуникацию колониальной периферии с метрополией, чем даже колониальной периферии и колониального центра. Кабели телеграфа играли важную военно-политическую роль в стимулировании экономической интеграции. Использование имперских технологий и удовлетворение интересов проводников имперской власти на местах (в большей степени торговцев) создавало условия лидерства Британской империи. Привлекательная альтернатива для элит и чудеса технологического мира⁵ являлись и являются залогом эффективного вписывания локальных культур в контекст имперской власти.

Таким образом, Британская империя являет нам новый тип колониального господства. Канонические признаки империи сохраняются и модифицируются: во-первых, сохраняется принцип завоевательной политики; во-вторых, требование контроля над территориями сохраняется, но наместник приобретает значительно большие полномочия; в третьих, во всех смыслах сохраняется осознание своего цивилизационного превосходства; в четвертых, принципы верховенства законов были перенесены на колониальные территории, но сильно модифицированы произволом частных компаний; в пятых, сохраняется принцип двух ветвей власти; в шестых, институт гражданства теряет свое значение. В конечном итоге, без сознания своей миссии как "вечно трудящегося цивилизатора" (в смысле Р. Кипплинга) стало бы невозможным создать этот прецедент сообщества, способного включить в себя целый мир, получивший сегодня именование "Британского содружества наций" (British commonwealth of Nations).

Pax Rossica

Имперский опыт России несколько выпадает из исторической динамики сдвига власти: от власти-насилия, к власти-рынка. Во многих отношениях имперский опыт России напоминает римский канон. Прежде всего первой аналогией является сам принцип существования империи как постоянно расширяющейся территории. Этот процесс в литературе называется внутренней колонизацией⁶.

Следует заметить, что Российская империя не является хрестоматийным примером модерновой Империи ввиду отсутствия заграничных, отделенных океаном колоний. Подчеркивая значение внутренней колонизации, мы отмечаем тот факт, что Российская империя на всем протяжении не имела ко-

⁵ В свою очередь, чудеса технологического мира становятся той самой имперской очевидностью, которая не требует разбирательств и показывает перманентное доминирование европообразного технологического развития над всеми остальными.

⁶ В современной исследовательской литературе этот процесс расширения получил количественную оценку. Александр Эткин сообщает, что вместе Московское государство, Российская Империя и СССР контролировали 65 млн. км²/лет. Британская Империя на пике своего могущества насчитывала (45 млн. км²/лет), Римская Империя насчитывала около (30 млн. км²/лет). Российская Империя практически безостановочно разрасталась по территории Евразии, используя инструменты и механизмы как внешней, так и внутренней колонизации.

лоний, которые бы соответствовали истории западных колониальных держав. Россия обладала огромными и неосвоенными внутренними территориями, а также опытом перманентного расширения своих территорий посредством переселения. Западному колонисту соответствовал наш переселенец. Эта терминология точно схватывала характер процессов, происходивших на территории Российской империи⁷. Территориям, которые были в меньшей (Казань, Северо-Западный край и т.д.) или в большей (Восточная Сибирь, Дальний Восток и т.д.) степени удалены от имперского ядра.

Мы полагаем, что Российская империя утверждала свою Имперскую идею посредством непрерывного процесса колонизации, в результате которого на колонизируемые территории Российская Империя приносила идеи: православия, державности и "русскости". В этом и состоит сама Имперская Идея, которая позволяла переселенцу чувствовать свое превосходство над "редко встречающимся местным населением"⁸. Таким образом, имперская власть через переселенца предлагала свой собственный нарратив и уклад жизни. Это позволяло, как правило, входить на чужие территории, не вступая в значимый конфликт с местным населением (хотя следует отметить наличие таких) [2].

В историографии получила признание идея А.П. Щапова, что история России – это история областных масс народа, история постепенного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия борьбы соединения разнообразно политическое областей до централизации и после, своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей путем колонизации [13].

Своеобразие колониальной политики Российской Империи заключалось в различии движения на Запад и Юг с одной стороны, и на Восток с другой стороны. Если колонизация на Восток носила характер переселения и хозяйственного освоения, на этносы не имеющие полного государственного устройства, то движение на Запад и Юг носило характер включения государственных образований.

Для классических империй, к числу которых мы относим Российскую империю, успешность расширения границ соответствует их военному могуществу. По общему мнению исследователей, Россия представляла из себя области, стихийно образующиеся на всем территориальном пространстве Империи в процессе непрерывной колонизации.

Россия, как нам думается, в данном случае выступала в роли "Господина", который распространяет свой национальный и имперский нарратив "великодержавности". Историк А. Миллер полагает, что этой идеей была идея "русскости" (т.е. нации). Она поддерживалась агентами "русификации" (армией, церковью, университетами, школами) [12]. Примером распространения идеи через механизмы внутренней колонизации могут послужить Западные Окраины Российской Империи.

Как типичный пример этой политики, можно взять Речь Посполитую (в данном случае мы подразумеваем Польшу времен Александра I), где проводилась политика русификации населения. Так, после Польского Восстания (1830 – 1831 гг.) в университетах были созданы кафедры русской истории и литературы, а высшая система образования и вовсе перешла на русский язык. Это связано не только с недоверием к польским элитам, но и с процессом интеграции западных окраин в национальный русский нарратив.

Н.Г. Устрялов в своей концепции русской истории считал правомерным включать часть западных окраин (Северо-Западный и Юго-Западный края) в национальный нарратив, а также создавал специфичную иерархию импер-

⁷ Мы вполне осознанно обращаем внимание на возникающее здесь противоречие: с одной стороны, говорим о колонизации, а с другой – об отсутствии колониста. Противоречие носит не только терминологический характер, но оно определяет место, в котором оказывается переселенец, что не считал место переселения колонией метрополии, однако фактом своей оседлости утверждал это место частью империи.

⁸ Мы считаем, что демографический фактор плотности населения играл существенную роль в самосознании переселенца. Как правило, эта территория воспринималась пустой и доступной для освоения. Фактически это позволяло вести свое хозяйство, не нарушая традиционной образ жизни автохтонного населения и налаживать экономические связи.

ских владений [8]. Таким образом, Российская империя предлагала субалтерну идею о том, что он включен в единый исторический процесс, который неразрывно связан с Россией, ее языком и ее историей.

Этноконфессиональное конструирование, что проводилась в Западных губерниях, предполагало активное распространения православия. Историк М. Долбилов заключает, что "при устройстве обращений на местах, имперские бюрократы руководствовались ассимиляторским приоритетом и определением рускости через православие: новый конфессиональный статус был призван устранить угрозу колонизации, нависшую, как считалось, над католиками-белорусами" [8]. Таким образом, русский язык и православие находились в симбиозе и занимали ключевую роль в наполнении "национального нарратива". С нашей точки зрения, те, кто проводил эту политику, руководствовались идеей общеславянского единства, которое они ставили в приоритетное положение, соответственно, отодвигая на задний план всякого рода этническую или национальную специфику. С этой позиции идея русификации получала свое оправдания в силу значимости указанного единства.

Императорская титулатура выражала "официальное" признание того, что Россия представляет собой единство многих народов, объединенных благой властью императора. Убеждение верховной власти в том, что вхождение в состав империи является благом для многих народов, можно считать внутренним убеждением как для императора, так и для политической элиты (например, вхождение Грузии в состав империи рассматривалось как защита от османской тирании). В реалиях того времени, противостояние исламского и христианского миров на Кавказе, а также православного и католического на Западе соответствовало историческим реалиям. Отметим то уникальное обстоятельство, что жители окраин Российской Империи пользовались большими правами, чем собственное население России, которое находилось под крепостным гнетом [20]. В самом порядке упоминания принадлежащих империи земель мы можем обнаружить эту же иерархию значимости. Титулатура отражает этническое и территориальное многообразие империи. Каждая земля, область, регион были включены в иерархию и подчинены России. После титула "Императора Всероссийского" шли территории подчиненные, присоединенные или имевшие широкую автономию. Можно сказать, по степени политической важности.

Е.М. Болтунова, очень убедительно показала визуализированный императорский титул во время похорон Александра I. Вся похоронная процессия отражала не только титул императора, но и символическую иерархию империи. За гробом императора шел министр Царства Польского, статс-секретарь Великого княжества Финляндского, грузинские царевичи, а также карабахский хан. Мы полагаем, что это прямое отражение российской имперской идеи. Так, в похоронной процессии проявляется изображение двуглавого орла, как символа императорской власти над другими народами [13].

Таким образом, Российская империя являет нам классический тип имперского господства, предполагающего, во-первых, активную завоевательную политику; во-вторых, институт губернаторства соответствует всем правилам имперского наместничества; в третьих, во всех смыслах идея "великодержавности" сохраняет в себе принцип превосходства; в четвертых, имперское господство воспринималось как наведение порядка; в пятых, сохраняется опора на местные обычаи и практики управления; в шестых, институт гражданства трансформируется в привилегию подданого империи.

В заключении мы бы поставили вопрос о том, как современная Россия использовала опыт царской России. Без сомнения, имперские амбиции были позаимствованы Советским Союзом у Российской империи. Однако это уже другая эпоха, которая не позволяла развернуться имперскому принципу, который вступал в противоречие с внутренней идеей пролетарского интернационализма и идеей равенства. Это не позволяло назвать Советский Союз империей. Советский Союз не только де-юре, но и де-факто был федерацией. После краха СССР любая попытка восстановления имперского устройства России обречена на провал?

Pax Americana

Начиная говорить о Pax americana, мы выдвинем тезис о том, что США – это подлинно (пост)имперский проект. Что позволяет нам утверждать это? Под этим словом мы понимаем не просто политическую и экономическую экспансию, но те специфические (и даже скандальные для Европы того времени) принципы, которые легли в основу США.

В первую очередь это принцип постоянного расширения границ. В данном случае понятие границы отсылает не только к территории, но и политике, культуре и экономике. Одновременно вместе с отодвиганием физической границы (продвижение с западного побережья на неосвоенные восточные земли, которое совпало с основанием США) происходит и детерриториализация границы политической: качественное и количественное расширение демократии. Исследователи феномена империи – философы М. Хардт и А. Негри – называют это "имперским суверенитетом" [19].

С этим связан второй имперский принцип – внешняя открытость. По мысли Анны Харендт, понимая себя как землю исхода, открытую для любого, кто бежит от сословного неравенства и преследований, США вслед за империями прошлого помещает себя вне рамок исторического пространства и времени [4]. Империя не просто противопоставляет себя миру, но создает отдельный мир. Таким образом, гетерогенным и постоянно расширяющимся (то есть имперским) оказывается не только физическое и политическое пространство, но и его субъект – people. Другой по определению включен в имперское пространство.

Третий принцип – это сетевая власть. Национальные государства, которые начинают возникать в Европе параллельно американскому проекту, предполагают вертикальную власть, осуществляемую над гомогенной национальной идентичностью. Но если согласиться с характеристикой американского субъекта как гетерогенного, то очевидно, что и принцип организации власти в США должен отличаться. Он не может строиться на стратегии сведения многообразия субъекта к одному из его качеств (допустим, национальной идентичности, как это происходило в Европе). Власть в данном случае может сделать себя устойчивой только путем признания различий, имманентных провозглашаемому носителю суверенитета – народу. Конечно, ведущей в построении американской идентичности была культура белых англосаксонских протестантов, которые на определенном этапе brutally исключали Других (очевидный пример – это отношение к коренным народам и сегрегация). Тем не менее этот доминирующий элемент не мог подменить собой внутреннее многообразие американского политического сообщества, созданного эмигрантами из разных частей света. Таким образом, в США имеет место та же политическая диалектика, что и в империях прошлого – диалектика унификации / признания различий. С одной стороны, власть так или иначе стремится создать универсальную идентичность, с другой – она не может игнорировать гетерогенности подчиняемого ей субъекта. Вся политическая история США может быть понята как борьба этих двух центробежных сил.

Современники вполне осознавали, что новое государство в Северной Америке цитирует империи прошлого, пусть и радикально их переосмысляя в процессе создания первой демократической империи, чей суверенитет имманентен, создается снизу. Так, например, Александр Гамильтон в речи от 27 октября 1787 г. заявляет: "...речь идет ни больше ни меньше, как о существовании Союза, безопасности и благополучии входящих в него частей, о судьбе во многих отношениях самой интересной в мире империи" [17, с. 29]. Эта характеристика Соединенных Штатов как "самой интересной в мире империи" одновременно фиксирует ее преемственность с империями прошлого и новизну американского понимания имперского суверенитета.

Но помимо трех этих принципов, которые можно назвать структурирующими имперское пространство, США сочетает в себе сразу три темпоральных режима, появившихся в хронологической последовательности и сосуществующих по сей день. Все они прямо или косвенно влияют на самосознание американского общества. Как было отмечено ранее, любая империя так или иначе стремится поместить себя вне исторического времени. То, как это осуществляется, и есть ее темпоральный режим.

Первый – религиозный или эсхатологический. Он проявляется в представлении о своеобразной религиозной избранности поселенцев, которое получило распространение в кругах многочисленных эмигрантов-протестантов, бежавших от преследований инквизиции. Представление о США как о "новом Израиле" санкционировало колонизацию континента и последующую за ней экспансию на другие территории. Оно также отразилось на отцах-основателях: во время разработки эскиза государственной печати Б. Франклин предложил изображение, на котором Моисей, стоящий на берегу, простирает руку над морем, тем самым сокрушая фараона [25]. На этом примере отчетливо видно, как религиозный символизм, буквально богоизбранность Америки, переплетается с геополитическим.

Второй режим является уже модернистским и светским. В его основе лежит представление об американской нации как о носительнице исторического прогресса, несущей его другим народам. Оно также санкционирует колониальное освоение земель и последующую экспансию, но видит в ней уже не религиозное, а мирское благо в виде прав человека, демократии и других модернистских представлений о желательном устройстве общества и государства. Лучшей иллюстрацией того, как эта темпоральность отразилась на (имперском) самосознании США, является Manifest Destiny ("явное предназначение"). Это понятие суммирует совокупность культурных представлений, получивших распространение в XIX веке, согласно которым американским поселенцам было предназначено судьбой принести прогресс и цивилизацию на "дикие" земли Северной Америки, а затем и на любые другие "нецивилизованные" территории [32].

Третий режим, при всей условности этого понятия, можно назвать постмодернистским. В его основе лежит планетарное распространение американской массовой культуры и успех американского информационного капитализма, который символизируют корпорации и их локусы вроде Кремниевой долины. За счет этой привлекательности американского образа жизни, США сохраняет свою гегемонию в современных условиях (за счет привлечения рабочих рук и специалистов, обладающих востребованными компетенциями), где религиозный и модернистский нарратив уступает место дискурсу экономической привлекательности и доминирования, особенно в области высоких технологий. Среди трех режимов именно этот сегодня является доминирующим. В его условиях империя устанавливает контроль не столько за территориями, сколько за потоками: финансовыми, миграционными, производственными, интеллектуальными и другими.

Таким образом, основанием для обозначения современного Pax Americana как постимперии состоит в достаточно радикальном преобразовании исходных признаков существования имперского канона. Первое и самое важное: утрачивает свое прежнее значение завоевание новых территорий. Требование расширения своего влияния сохраняется, но как контроль за всеми видами потоков разного рода. По этой причине, во-вторых, полностью ликвидируется институт наместничества. В-третьих, прямо противоположно имперскому канону понимается цивилизационная миссия: как распространение идеалов демократии. В-четвертых, можно считать сохранившимися, по крайней мере на уровне идеологии, принципы верховенства права. В-пятых, модификация принципа сочетания двух ветвей власти, имперской и местной, которую можно увидеть в стремлении США контролировать правила правления других субъектов политики посредством разного рода санкций. В-шестых, сохраняется привилегия гражданства в виде привлекательности американского паспорта.

Заключение и выводы

Борьба государств и народов за гегемонию, за лидерство, за господствующую позицию в международных или межгосударственных отношениях неотменима, пока вообще существуют народы и государства. Именно это подразумевает идея империи: государство, которое претендует и фактически является господствующим началом объединения разных народов в одном государстве, либо гегемоном в союзе государств. Но форма господства (гегемонии) исторически меняется. Заданный Римом имперский канон, основанный на завоевании новых территорий и последующем контроле над ними, к нынешнему

времени вместе с распадом колониальной системы приобрел постимперский характер контроля за потоками разного рода.

Весь опыт истории свидетельствует: чтобы быть империей или постимперией, надо иметь идею, способную объединить разные народы поверх их географических и символических границ. В общем случае народ-объединитель должен быть вдохновлен своей имперской идеей: идеей верховенства закона, христианизацией других народов, миссией белого человека, пролетарским интернационализмом. Для успеха своей миссии имперский народ должен находиться на более высокой ступени цивилизационного развития или же думать, что он там находится.

Литература

1. Академический словарь теории и истории империй. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. 728 с.
2. Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизации. СПб.: изд-во СПбГУ, 2010. 372 с.
3. Андерсон П. Перипетии гегемонии. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 296 с.
4. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
6. Вебер М. Избранные произведения М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. Деметьева В.В. Римская идентичность: формирование традиций гражданского коллектива // Античный мир и археология. Сб. статей. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 203–213.
8. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
9. Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. Москва, УРСС, 2010. 344 с.
10. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
11. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
12. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
13. Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. Коллективная монография / Коллектив авторов. Б.м.: "НЛО", 2021. 304 с.
14. Савенкова И.Ю. Время "кое-чем заняться": частные купцы и проблема доступа на восточные рынки Британской империи в первой трети XIX в. // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 48–64.
15. Смышляев А.Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 65–72.
16. Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима. // Вестник МГИМО(У). 2008. № 2. С. 3–9.
17. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Издательская группа "Прогресс" – "Литера", 1993. 568 с.
18. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь. 1996. 448 с.
19. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
20. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
21. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. 293 с.
22. Ячин С.Е. Метакультурный подход в международных отношениях vs доктрины "мягкой силы" // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2018. № 3. С. 7–17.
23. Ячин С.Е., Купряшкин И.В., Хун Мей-Лан. Перспективы гегемонии в Восточной Азии в свете мир-системного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 1. С.35-45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-35-45
24. Chase-Dunn C., Thomas D.H. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO, Westview Press, 1997. 322 p.
25. Gitlin T., Leibovitz L. The Chosen People - NY.: Simon & Schuster, 2010.
26. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York, Basic Books, 2002. 404 p.
27. Hunt B. J., Imperial Science Cable Telegraphy and Electrical Physics in the Victorian British Empire. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 321 p.

28. Jilek S. The definition of river frontiers // *Frontiers of the Roman Empire. The European dimension of a World Heritage Site*. Edinburgh, 2008. P. 65–71.
29. Latimer J. *Buccaneers of the Caribbean: How Piracy forged Empire*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 2009. 353 p.
30. MacKenzie J. M., Devine T. M. *Scotland and the British Empire*. New York: Oxford University Press. 2011. 345 p.
31. McNeill W.H. *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Chicago, University of Chicago Press, 1963. 860 p.
32. Miller R.J. *Native America, Discovered and Conquered - Santa Barbara: ABC-CLIO, 2006. 214 p.*
33. Roque R., Wagner K. A. Introduction: Engaging Colonial Knowledge // *Engaging colonial knowledge. Reading European archives in World History*. New York: Palgrave Macmillan. 2012. P. 1–35.
34. Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham and London: Duke University Press, 2004. 110 p.
35. Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity, 2007. 336 p.

References

1. Academic dictionary of the theory and history of empires. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2012. 728 p. (In Russ.).
2. Akimov Yu.G. North America and Siberia at the end of the 16th – the middle of the 18th century: An outline of the comparative history of colonization. St. Petersburg: publishing house of St. Petersburg State University, 2010. 372 p. (In Russ.).
3. Anderson P. *The vicissitudes of hegemony*. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2018. 296 p. (In Russ.).
4. Arendt H. *About the Revolution - Moscow: Europe, 2011. 464 p. (In Russ.)*.
5. Berger P., Lukman T. *Construction of social reality. Treatise on the sociology of knowledge*. M.: Medium, 1995. (In Russ.).
6. Weber M. *Selected Works*, Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).
7. Dementieva V.V. Roman Identity: Formation of the Traditions of the Civil Collective // *Ancient World and Archaeology. Sat. articles. Issue. 13. Saratov, 2009. P. 203–213. (In Russ.)*.
8. Dolbilov M.D. Russian land, foreign faith: Ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. M.: *New Literary Review*, 2010. 1000 p. (In Russ.).
9. Korotaev A.V., Khalturina D.A., Malkov A.S., Bozhevnikov Yu.V., Kobzeva S.V., Zinkina Yu.V. *Laws of history: Mathematical modeling and forecasting of world and regional development*. Moscow, URSS, 2010. 344 p. (In Russ.).
10. Latour B. *Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. (In Russ.).
11. Luman N. *Social systems. Essay on the general theory*. St. Petersburg: Nauka, 2007. (In Russ.).
12. Miller A. *The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research*. - M.: *New Literary Review*, 2006. 248 p. (In Russ.).
13. *Regions of the Russian Empire: identity, representation, (on) meaning*. Collective monograph / Collective of authors – "UFO", 2021. 304 p. (In Russ.).
14. Savenkova I.Yu. Time to "do something": private merchants and the problem of access to the eastern markets of the British Empire in the first third of the 19th century. // *New past / The New Past*. 2022. No. 3. P. 48–64. (In Russ.).
15. Smyshlyayev A.L. Roman governor in a provincial city: management style in the era of the principate // *IVS ANTIQVVM. ancient law*. 2006. No. 1 (17). P. 65–72. (In Russ.).
16. Ukolova V.I. Empire: the historical experience of Rome. // *MGIMO(U) Review*. 2008. No. 2. P. 3–9. (In Russ.).
17. *Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison, and J. Jay*. M.: Publishing group "Progress" - "Litera", 1993. 568 p. (In Russ.).
18. Foucault M. *Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. M.: Kastal. 1996. 448 p. (In Russ.).
19. Hardt M., Negri A. *Empire*. Moscow: Praxis, 2004. 440 p. (In Russ.).
20. Etkind A. *Internal colonization. Imperial experience of Russia*. M.: *New Literary Review*, 2013. 448 p. (In Russ.).
21. Etzioni A. *From empire to community: a new approach to international relations*. M.: Ladomir, 2004. 293 p. (In Russ.).
22. Yachin S.E. *Metacultural Approach in International Relations vs Doctrines of "Soft Power" // Oikumena. Regional studies*, 2018. No. 3. P. 7–17. (In Russ.).
23. Yachin S.E., Kupryashkin I.V., Hong Mei-Lan. Prospects for hegemony in East Asia in the light of the world-system approach // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. V. 64, No. 1. P. 35–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-35-45 (In Russ.).

24. Chase-Dunn C., Thomas D.H. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO, Westview Press, 1997. 322 p.
25. Gitlin T., Lebovitz L. The Chosen People. NY.: Simon & Schuster, 2010. 272 p.
26. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York, Basic Books, 2002. 404 p.
27. Hunt B. J., Imperial Science Cable Telegraphy and Electrical Physics in the Victorian British Empire. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 321 p.
28. Jilek S. The definition of river frontiers // Frontiers of the Roman Empire. The European dimension of a World Heritage Site. Edinburgh, 2008. p. 65–71.
29. Latimer J. Buccaneers of the Caribbean: How Piracy forged Empire. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 2009. 353 p.
30. MacKenzie J. M., Devine T. M. Scotland and the British Empire. New York: Oxford University Press. 2011. 345 p.
31. McNeill W.H. The Rise of the West: A History of the Human Community. Chicago, University of Chicago Press, 1963. 860 p.
32. Miller R.J. Native America, Discovered and Conquered – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2006. 214 p.
33. Roque R., Wagner K. A. Introduction: Engaging Colonial Knowledge // Engaging colonial knowledge. Reading European Archives in World History. New York: Palgrave Macmillan. 2012. P. 1–35.
34. Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham and London: Duke University Press, 2004. 110 p.
35. Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity, 2007. 336 p.

Информация об авторах

Сергей Евгеньевич Ячин, д-р. филос. наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: yachin@dvfu.ru

Глеб Александрович Акулич, независимый исследователь, Владивосток, Россия, e-mail: akulich.gleb@hotmail.com

Наталья Вадимовна Забиrowa, независимый исследователь, Владивосток, Россия, e-mail: zabirowa_nv@mail.ru
Александр Сергеевич Малышев, аспирант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: malyshev.as@dvfu.ru

Даниил Аркадьевич Тютченко, студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: tyutchenko.da@students.dvfu.ru

Никита Сергеевич Филиппов, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: ns.filippov@yandex.ru

Information about the authors

Sergej E. Yachin, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: yachin@dvfu.ru

Gleb A. Akulich, Independent Researcher, Vladivostok, Russia, e-mail: akulich.gleb@hotmail.com

Natalya V. Zabirowa, Independent Researcher, Vladivostok, Russia, e-mail: zabirowa_nv@mail.ru

Alexander S. Malyshev, Postgraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: malyshev.as@dvfu.ru

Daniil A. Tyutchenko, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tyutchenko.da@students.dvfu.ru

Nikita S. Filippov, Postgraduate Student, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: ns.filippov@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.04.2023

Одобрена после рецензирования 15.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 14.04.2023

Approved 15.05.2023

Accepted 18.05.2023